

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЕВ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОЧЕТАНИЯ «*БЫТИ* В ПР. ВР. + *-Л-ФОРМА*» В ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ

М. В. Ермолова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
maria-anna2121@yandex.ru

Аннотация. Сочетание «*быти* в пр. вр. + *-л-форма*» обычно рассматривается как форма плюсквамперфекта. Однако в древнейших русских летописях был обнаружен ряд контекстов, в которых это сочетание не может объясняться ни одним из приписываемых плюсквамперфекту значений. Конструкция «*быти* в пр.вр. + *-л-форма*» в них либо выражает фоновое действие, либо участвует в обозначении последовательных действий в нарративной цепи. По всей видимости, такое употребление может объясняться тем, что наряду с формой плюсквамперфекта существовало свободное синтаксическое сочетание из глагола *быти* в пр. вр. и *-л-формы*, значение которого закономерно складывалось из его составляющих.

Ключевые слова: древнерусский; плюсквамперфект; причастие прошедшего времени.

On the interpretation of some examples with the construction «*быти* (past tense)+ *l-form*» in the oldest Russian chronicles

M. V. Ermolova

National Research University Higher School of Economics, V. V. Vinogradov
Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow
maria-anna2121@yandex.ru

Abstract. The construction “*быти* (past tense) + *l-form*” is usually regarded as a pluperfect form. As the oldest Russian chronicles

(The Hypatian Chronicle, The First Novgorodian Chronicle of Older and Younger Recensions, The Laurentian Chronicle) show, however, in some contexts this combination cannot be explained by pluperfect semantics. It can mark: 1) a background situation (*Ту бо бѣ Гдльгъ ждалъ его с женою*), 2) consecutive actions in the narrative chain (*и всю ночь пилъ бѣ с дружиною своею*), or 3) an action synonymous in its nature to other aorist-marked actions (*Изаслава же Мстиславича язвиши в руку. и свергли и бахуть с коня. и хотѣша и оубити*).

Apparently, the emergence of the “*быти* (past tense) + *l*-form” construction in the analyzed contexts can be explained by the fact that it was used not only as a grammatical form of a complex past tense, but also as a free syntactic combination of an existential verb and a participle. Therefore, its meaning was made up of that of its components. Taking into account the possible interchangeability of aorist and participial forms, as well as the possible synonymy of the *-l*-form and the *-ъс/-въс-* participles, the participial use of the *-l*-form in a construction with the verb *to be* in such use should not be viewed as impossible.

Keywords: Old Russian; pluperfect; past participle.

1. Вводные замечания

1.1. Постановка задачи

Сочетания, состоящие из глагола *быти* в прошедшем времени и *-l*-формы, традиционно рассматриваются как формы плюсквамперфекта. Исследованию плюсквамперфекта в древнейших русских летописных памятниках посвящено немало работ (см., например, [Истрина 1923: 123–125; Кузнецов 1959: 209–214; Чернов 1961; Фроянова 1970; Попова 1999; Петрухин 2004; 2008; Шевелева 2007; 2009]). Тем не менее проведенный анализ текста Ипатьевской летописи (далее ИЛ), Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов (далее НПЛ ст. и мл.), а также летописи по Лаврентьевскому списку (далее ЛЛ) показал, что в них существует ряд контекстов, в которых появление сочетания «*быти* в пр. вр. + *-l*-форма» не может объясняться ни одним из приписываемых плюсквамперфекту значений. Рассматриваемая конструкция в них либо обозначает фоновое действие, одновременное действиям основной

линии повествования, либо стоит в одном ряду с простыми претеритами и участвует в передаче последовательных событий. Целесообразно считать, что в таких случаях мы, по всей видимости, имеем дело не с грамматической формой плюсквамперфекта, а со свободным синтаксическим сочетанием глагола-связки и причастия.

1.2. Форма и значение плюсквамперфекта

Древнерусский «книжный» плюсквамперфект — это сложное прошедшее время, состоявшее из глагола *быти* в форме имперфекта или аориста от имперфективной основы и *-л-*причастия (*бѣ/бѣаше* + *-л-*причастие). У него выделяется три основных значения: 1) предшествования в прошедшем, ср.: КЛ л. 235 *сего же волии wskоудѣваючи силѣ. и шѣмнѣючи аззыкѣ. и возбноувѣ и рѣѣ. ко кнагинѣ своен. коли боудеть рѣе сѣхъ Маковѣи. она же в понедѣльникѣ. князь же рѣе. ѿ не дождоу ти ѿ того башеть во шѣѣ его Всеволодъ во днѣ сѣхъ Макъзкави. пошелъ к бѣи* КЛ л. 235 [Петрухин 2008: 218]¹; 2) результативности в прошедшем, ср.: КЛ л. 229 об. Романови же не бы и в лахохъ помочи иде к Рюрикови ко цтю своему в Бѣльгородъ и с моужи тѣми котории же его ввели бахууть в Галичъ [Шевелева 2007: 235], а также 3) значение антирезультатива (в том понимании этого термина, которое было предложено в [Плунгян 2001]), изначально в сильной степени обусловленное контекстом, ср.: КЛ л. 180 об. и много дѣшь ѿполониша. иже бахууть вziali половци [Шевелева 2007: 237].

Наряду с «книжной» формой существовало новообразование со связкой, употребленной в форме перфекта (*есть былъ* + *-л-*причастие) — так называемый «русский» плюсквамперфект (см., например, [Горшкова, Хабургаев 1981: 305–306]) или, в терминологии [Петрухин, Сичинава 2006], «сверхсложное прошедшее». Как убедительно показала М. Н. Шевелева, значение последнего сопоставимо с «книжным»: «старый плюсквамперфект — это форма прежде всего нарратива, новый — прежде всего прямой речи» [Шевелева 2007: 235]. В примерах, которые будут рассматриваться в данной статье, представлена только «книжная» форма.

В связи с эволюцией и упрощением системы прошедших времен «русский» плюсквамперфект получает значение давнопрошедшего

¹ М. Н. Шевелева считает, однако, что славянский плюсквамперфект никогда не выражал таксисного значения чистого предшествования в прошедшем и что он всегда имел аспектуальное значение перфектности в прошедшем [Шевелева 2007: 216].

или, в терминологии [Петрухин, Сичинава 2006], «неактуального прошедшего» и «относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого» [Зализняк 1995: 158]; в [Плунгян 2001] применительно к таким контекстам говорится о семантической зоне «сверхпрошлого». Частным случаем реализации такого значения является обозначение плюсквамперфектом начальной точки рассказа. Функцией плюсквамперфекта в таком случае является «маркирование самого первого звена собственно нарратива и маркирование первого звена нарративных эпизодов, вводящих новых персонажей или события» [Сичинава 2013: 115]. Как показывают Т. С. Жукова и М. Н. Шевелева на материале памятников, написанных на «простой мове», «плюсквамперфект в значении давнопрошедшего маркирует в рассказе о некотором происшествии начальную точку его сюжета, акцентируя внимание на этой “завязке”... выделительный компонент здесь присутствует почти всегда», ср. в «Страстях Христовых» (апокрифическое сочинение, переведенное на «простую мову» не позднее 1460-х гг. с латинского) в начале рассказа о приходе Иисуса в Иерусалим: л. 22 об. *Бы(л) некоторыи коро(л) атоу(с) имене(м). которыи(ж) некоторую девоку имене(м) мила. дочкоу некакого мелника телесне **познать бы(л)**. да з нее сна выроди(л)* [Жукова, Шевелева 2009: 183].

1.3. Характеристика памятников

В статье будет проанализирован материал трех древнейших летописей — ИЛ, НПЛ ст. и мл. и ЛЛ.

ИЛ, созданная в юго-западном диалектном ареале, является списком с южнорусского летописного свода, составленного в XIV в., и датируется первой четвертью XV в. [Словарь книжников 1987: 238]. Летопись состоит из четырех частей: Повести временных лет, Киевской летописи (далее КЛ), Галицкой летописи и Волынской летописи (далее ВЛ). Текст воспроизводится по изданию [ПСРЛ, т. 2].

НПЛ ст., представленная единственным списком (Синодальным), состоит из двух частей, переписанных ок. 1234 г. и ок. 1330 г. НПЛ мл. была составлена в конце 30-х гг. XV в. и дошла до нас в двух списках — Академическом (40-е гг. XV в.) и Комиссионном (2-я половина XV в.) [Словарь книжников 1987: 246]. Текст воспроизводится по изданию [НПЛ].

ЛЛ, являющаяся памятником Владимиро-Суздальской Руси, была переписана в 1377 году. Она включает в себя Повесть временных

лет (далее ЛЛ ПВЛ) и Суздальскую летопись (далее СЛ). Текст воспроизводится по изданию [ПСРЛ, т. 1].

2. Летописный материал

Как было показано выше в 1.2, все значения, выделяемые у плюсквамперфекта, характеризуются обязательным семантическим компонентом предшествования в прошедшем, который может факультативно осложняться результативностью, антирезультативностью и т. д. Между тем, в исследованных летописях был обнаружен ряд контекстов, в которых сочетание глагола *быти* в прошедшем времени и *-л*-причастия такого компонента не имеет. Их можно разделить на три группы.

2.1. Сочетания «*быти* в пр. вр. + *-л*-форма» для обозначения фонового действия

Первую группу составляют контексты, в которых сочетание «*быти* в пр. вр. + *-л*-форма» обозначает фоновое действие, которое началось ранее и продолжается во время основного момента повествования. Рассмотрим примеры:

- (1) ИЛ КЛ л. 223 (Игорь) и то рекъ. переверде Донъць и тако приида. ко Усколоу. и жда два дѣи. брата своего Всеволода тотъ вашелъ инемь поутѣ(м). ис Коурьска — действия жда и ваше шелъ одновременны друг другу: 'Игорь ждал два дня, пока Всеволод ехал другим путем'.

Никакой ретроспективной направленности здесь не наблюдается. Значения результирующего состояния в прошлом в данном примере также не наблюдается, так как формой *ваше шелъ* обозначается длительное действие, процесс (результативные же формы, как правило, не характеризуются «процессуальностью, статальностью значений» [Трубинский 1984: 159]). Единственное кажущееся правдоподобным объяснение заключается в том, что данное сочетание следует понимать как свободное синтаксическое сочетание, состоящее из бытийного глагола и причастия в прошедшем времени, т. е. буквально 'Игорь ждал два дня, пока Всеволод был ехавший другим путем'.

- (2) НПЛ мл. л. 163 (из Жития Александра Невского) Жалостьно вѣ слышати, паче же и видѣти достойно, яко отець его Ярославъ

Честныи и великыи въ время то не бѣ въдалъ таковаго вѣстанія сына своего, СЛ л. 169 жалостно же и слышати како ѡцъ его Ч(с)тныи Ярославъ великыи не бѣ въдалъ такого встанья на сѣа своего милого Влеждандра.

Летописец рассказывает, что «король части Римския» собрался войною на Новгород, где в то время княжил Александр. Потом следует описание того, как Александр молился в святой Софии, как его благословлял епископ и как потом князь пошел на немцев с малым количеством воинов. Рассказчик сокрушается, что отец Александра все это время не знал о готовящемся сражении. Таким образом, как и в предыдущем случае, здесь нет ни предшествования, ни результирующего состояния. *Не бѣ въдалъ* — это скорее характеристика, признак: 'Ярослав не был знающим'. Кроме того, здесь присутствует значение фоновости: во время всех многочисленных описываемых событий Ярослав ничего о них не знал. Это сближает данный пример с примерами, в которых одиночная *-л-*форма имеет то же фоновое значение, ср.: ИЛ КЛ л. 222 об. наворопници же перешедше Хоролъ. взиндоша на шолома. гладдающе. кдѣ оузрять ъ. Кончакъ же стоалъ оу лоузѣ. егоже вдоуце по шоломени вминоуша. иныгъ же вагаты оузрѣвшѣ. оударыша на нихъ — пока наворопники поднимались на холм, объезжали войско Кончака, хан все это время находился на лугу. Учитывая архаичность языка КЛ и практически полное отсутствие в ней примеров употребления *-л-*формы в аористном значении (см. [Шевелева 2009]), а также очевидную противопоставленность характера действия *стоалъ* действиям, выраженным формами аориста, едва ли *-л-*форму в данном случае следует рассматривать как финитную. Скорее всего, она выступает в причастной функции и выражает одно из свойственных причастным формам значение, передавая «действие добавочное, комментирующее по отношению к основному, выраженному аористом (или презенсом)» [Попова 1999: 137]. Таким образом, единственное отличие рассмотренного примера из КЛ от примера (2) заключается в наличии связки в прошедшем времени, которая, по всей видимости, была факультативной (см. ниже).

- (3) СЛ л. 112 об. приспѣвшю же Изаславу вборзѣ г королеви с Берендичи. а полкы свои встави назади. с братомъ своимъ (ѿ) Стополкомъ (ѿ). тогда же придоста к рѣцѣ к Саноку. Володимерко же роставалъ баше дружину свою на бродѣхъ. индѣ пѣши. а индѣ конники. король же нача

ставлати противу њему свои полкы на бродѣхъ же. Володимерко же видѣвъ силу королеву вѣчисленую. не стерпѣвъ вдругыѣ побѣже передъ ни(ѣ). в Перемышль — ‘Изяслав с королем подошли к реке [и увидели, что] Володимерко расставлял/был расставлявшим свои полки’.

Использование вторичного имперфектива *роставляти* говорит о том, что действие не было завершено к приходу Изяслава и продолжалось после него, т. е. семантики результирующего состояния или таксисного предшествования здесь не наблюдается. Если же сочетание *роставлялъ баше* трактовать как ‘был расставляющий’, то его появление кажется обоснованным.

(4) ИЛ КЛ Л. 188 об. того же лѣта исходаѹча поиде Ростиславъ Новгороду. занеже не добръ живаху. Новгородци съ Стѣславомъ. сѣмъ его. и приде Чичърьску к зати Улгови ту бо въ Улвѣгъ ждалъ его с женою и поид Улвѣгъ Ростислава на вѣдѣтъ. и бы(ѣ) ра(дѣ)сть велика въ тѣ днѣ межи,

Здесь можно согласиться с комментарием М. Н. Шевелевой: «‘Олег там уже к этому времени ждал его’, т. е. ‘был уже ждавшим’, — глагол несовершенного вида создает значение состояния, начавшегося ранее и продолжавшегося в данный момент летописного времени» [Шевелева 2007: 236]. Автор рассматривает анализируемое сочетание в данном примере как форму плюсквамперфекта. На наш взгляд, однако, действие, выраженное здесь глаголом *быти* и *-л*-формой, не отличается по своему характеру от действий, разобранных в предыдущих примерах (*не был знавшим, был идущим* и т. д.). Здесь, как и выше, на первый план выходит то, что действие, начавшееся до основного момента повествования, длилось и во время него: ‘Олег был ждавшим’. Кажется, именно это, а не значение «результирующего состояния в прошлом» объединяет анализируемые примеры.

В. И. Чернов такое употребление глагола *быти* в прошедшем времени и *-л*-формы называл «соотносительным» употреблением плюсквамперфекта: «Соотносительное значение заключается в том, что плюсквамперфект обозначает действие, не всегда предшествующее во времени другому событию, но всегда такое действие, которое совершилось не позднее события, обозначенного глагольной формой, стоящей непосредственно перед плюсквамперфектом... Главное в этом значении плюсквамперфекта — указать

не следование одного действия за другим, а их соотносительность, параллельность действий, совершившихся в одной временной плоскости» [Чернов 1961: 9]. Однако едва ли рассматриваемое сочетание действительно является формой плюсквамперфекта, т. к. в основе любого плюсквамперфектного значения лежит семантический компонент предшествования действию в прошлом; это тот компонент, который противопоставляет его, прежде всего, перфекту, а также другим прошедшим временам.

В трех разобранных примерах сочетание глагола *быти* в прошедшем времени и *-л*-формы имеет значение, сходное значению, выражаемому одной из форм плюсквамперфекта (глагол 'быть' в форме имперфекта + причастие прошедшего времени) в тохарском языке, а именно, обозначает «the background situation» «which lasts during the whole discourse chunk²» [Seržant 2016: 275–277]. Разница заключается в том, что в тохарском фоновое действие, длящееся во время описываемых событий, в отличие от наших примеров является результативным, ср. тохарский пример: 'Ajjivika came to Upananda. He had worn a red coat' ('Айивика пришел в Упананду. На нем был надет красный плащ'). «The resultant state of having a red coat on is a background state, and its reference time includes the reference time of the perfective event of 'coming'³» [Там же: 275]. Нет сомнения, что действие *надеть* является результативным (в данном случае результатом является красное покрывало на пришедшем человеке). В рассмотренных же нами контекстах значения результативности нет. По мнению И. А. Сержанта, обозначать «background information that holds true for the whole time frame of the narrowest discourse chunk⁴» позволяет именно связка в имперфекте, т.к. форма плюсквамперфекта со связкой в т. н. претерите (или perfective past) такого значения не имеет: она выражает «after-effects or results that are temporally delimited⁵» [Там же: 284]. Это позволяет исследователю утверждать, что плюсквамперфект

² «...Фоновую ситуацию», «которая длится в течение всего дискурсивного отрывка».

³ «Результативное положение вещей — надетое пальто — является фоновой ситуацией, и время, которое это положение охватывает, включает в себя время перфектного события 'прихода'».

⁴ «...Обозначать фоновую информацию, которая имеет место быть на протяжении всей временной рамки ограниченного дискурсивного отрывка...».

⁵ «...Последствия или результаты, которые имеют четкие временные рамки».

не является независимой грамматикализованной категорией и является, по сути, сочетанием перфектного / результативного причастия со связкой в прошедшем времени в той форме, которая лучше отражает действительность. Конструкции с причастием прошедшего времени являются «fully compositional in meaning and not grammaticalized into a grammatical category in its own right» [Там же: 275]. Как представляется, эти слова уместно отнести и к рассмотренным нами контекстам, в которых не наблюдается никаких дополнительных значений кроме значения, складывающегося из глагола-связки и причастия прошедшего времени (*был знавший, был шедший* и т. д.)⁶. По всей видимости, конструкция «*быти* в пр. вр. + *-л-форма*» могла функционировать не только как форма плюсквамперфекта, но и как свободное синтаксическое сочетание.

2.2. Сочетания «*быти* в пр. вр. + *-л-форма*» для обозначения продолжительного действия

Анализируемым сочетанием может обозначаться действие, которое отличается от действий, выраженных соседними формами аористов, большей продолжительностью (т. е. такой характер действия, для выражения которого обычно используются имперфектные или причастные формы):

- (5) ЛЛ ПВЛ л. 48 об. (Ярослав стоит на берегу озера напротив Святополка. Князья не решаются друг на друга напасть. Дружина убеждает Ярослава, что завтра утром надо переехать) *бѣ бо оуже в заморозѣ. Стополкъ стояше межи двѣма wzерома. и всю ночь пилъ бѣ [РА пивъ] с дружиною своею. Ярослав же заоутра исполъивъ дружину свою противу свѣту перевезеса. и высѣдъ на брегъ.*

Действие *пилъ бѣ* одновременно действию *стояше*, выраженному имперфектом, поэтому значения предшествования здесь нет.

---

⁶ Может возникнуть вопрос, почему в качестве параллели выбран тохарский язык, а не, например, греческий, тем более что сопоставление древнерусских переводов с греческим оригиналом часто помогает уточнить особенности тех или иных форм. Однако форма плюсквамперфекта в греческом принципиально отличается от древнерусского и тохарского. Она является не аналитической, состоящей из вспомогательного и смыслового глагола, а синтетической (φεύω — ἐτεφεύειν). В статье рассматриваются аналитические сочетания, являющиеся, прежде всего, грамматическими формами плюсквамперфекта.

О результативности также вряд ли уместно говорить, так как тот факт, что Святослав всю ночь пил со своей дружиной, никак не влияет на ход дальнейших событий (о результирующем состоянии можно было бы говорить, если бы в итоге, например, дружина Святослава была побеждена из-за того, что воины оказались пьяны). Таким образом, сочетание *пилъ бѣ* просто обозначает действие как факт, подчеркивая его продолжительность и не выражая при этом ни одного из присущих плюсквамперфекту значений. Показательно, что в разночтениях мы видим причастие прошедшего времени. Это служит подтверждением нашему предположению о том, что рассматриваемую конструкцию, как и в примерах из первой группы, нужно понимать как 'был пивший'.

- (6) СЛ л. 126 об. В лѣ(тѣ) .ѣ. х̄. п̄д̄. Сѣдѣшема Ростиславичема. в княженѣи земля Ростовьскыя. роздаѣла баста по городомъ посадничѣство Русьскы(м̄) дѣдыцимъ. вни же многу таготу людѣ(м̄) симъ створиша. продажами и вирами. а сама княза молада баста слушала боларъ. а боларе оучахуть ѣа на многое имѣнье.

В 1176 г. Ростиславичи правили в Ростовской земле и раздавали посадничества своим дружинникам. Сам контекст, а также глагол НСВ *роздаѣати* указывают на то, что в данном случае мы имеем дело с продолжительным, неоднократным действием. Таким образом, предшествования и результативности здесь нет. По всей видимости, рассматриваемое сочетание обозначает действие того же характера, что и имперфект *оучахуть*. Скорее всего, как и в предыдущем случае, *роздаѣла баста* следует понимать как 'были раздающие'.

2.3. Сочетания «быти в пр. вр. + -л-форма» в аористной функции

В следующих примерах анализируемое сочетание участвует в передаче последовательных событий, обозначая действие, по своему характеру аналогичное соседним действиям, выраженным формами аориста:

- (7) НПЛ ст. л. 148 об. — 149 И быша новгородци печальни; а Ярославъ нача полкы копити на Новъгородъ, и бѣ послалъ къ цесарю татарьску Ративора, помочи прося на Новъгородъ. И се учювъ князь Василии Ярославич, присла послы в Новъгород, река тако:... — действия

нача и *въ послалъ* произошли либо одновременно, либо последовательно.

При этом они функционально равнозначны: князь начал собирать полки и послал за помощью. Действие *въ послалъ* не отличается от *нача* ни ретроспективностью, ни результативностью.

- (8) СЛ л. 111 об. *высѣ* съча крѣпка. и ту оубиша Володимера Дѣдовича. добраго и кроткаго князя. Черниговскаго. Изаслава же Мстиславича ѡзвѣиша в рѣку. и свергли и бахуть с коня. и хотѣша и оубити свои пѣшци. не знаютъ его. но сна с себе шело(м) и познаша и.

Данный контекст рассматривается М. Н. Шевелевой: здесь мы имеем дело с «цепью последовательно сменяющих друг друга действий в рамках одного эпизода»; «не исключено, что *бахуть* здесь употребляется как эквивалент русского вспомогательного *были* в роли показателя дистанцированности от момента речи (времени повествователя), возможно, в сочетании с подчеркиванием реальности существования данного факта в прошлом» [Шевелева 2007: 240]. Однако данное объяснение не кажется убедительным: действие *свергли бахуть* в плане дистанцированности от времени повествователя ничем не отличается от действий, выраженных соседними аористами *озвѣиша*, *хотѣша* и *познаша*.

- (9) ИЛ ВЛ л. 262 а Кондратъ повѣже до Лаховъ черезъ ночь. и топила башеть. ѿ вои его во Вепрю множество.

Тот факт, что многие люди Кондрата утонули в реке, является следствием того, что он отправился в путь ночью.

- (10) СЛ л. 132 а наши погнаша съкуще поганыха Бохмиты. и привѣгше к Волзѣ въскакаша въ оучаны. и ту авье впровергоша оучаны. и тако истопоша боле тысячи ихъ. Бѣжимъ гнѣвомъ гоними и стѣю Бѣю. и Всеволода князя мѣтвою. князь же Всеволодъ стѣявъ иколо города І. дни. Видѣвъ брата изнамагующа. и Болгаре выслалиса баху к нему с миромъ. поиде впать къ исадомъ.

В данном случае мы опять имеем дело с последовательностью событий: князь осаждал город 10 дней, после чего болгары решили заключить с ним мир.

- (11) НПЛ мл. л. 114 Того же лѣта, на зиму, ходи архиепископъ новгородѹжкыи Илья ко Андрѣви, въ Володимиръ, ходилъ бяше на всю правду.

Данный контекст несколько отличается от предыдущих, т. к. форма *ходилъ бяше (на всю правду)* не служит для передачи следующего действия в нарративной цепи, а уточняет сообщение о том, что архиепископ ездил во Владимир, для которого используется форма аориста (*ходи*). Однако, как и в вышерассмотренных примерах, если анализируемое сочетание интерпретировать как плюсквамперфект, то его употребление оказывается абсолютно немотивированным.

Таким образом, в данной группе, как и в предыдущих двух, появление сочетания «*быти* в пр. вр. + *-л-*форма» не может быть объяснено ни одним из плюсквамперфектных значений. Прежде всего потому, что у него отсутствует обязательный семантический компонент плюсквамперфекта «предшествование в прошедшем»: рассматриваемое сочетание в проанализированных примерах участвует в обозначении действия основной нарративной цепи, непосредственно следующего за предыдущим и предшествующего следующему действию, выраженному формой аориста.

3. Конструкция «*быти* в пр.вр. + *-л-*форма» как свободное синтаксическое сочетание

Как было показано выше, конструкция «*быти* в пр. вр. + *-л-*форма» во всех приведенных примерах не может быть интерпретирована как форма плюсквамперфекта. На наш взгляд, появление данного сочетания в проанализированных контекстах может объясняться тем, что перед нами не грамматическая форма сложного прошедшего времени, а свободное синтаксическое сочетание бытийного глагола и причастия. Следовательно, значение, которое оно передает, складывается из его составляющих.

В 1-й и 2-й группах глагол *быти* соединяется с глаголами НСВ, с чем связано возникновение семантики фоновости и / или продолжительности действия.

В 3-й группе глагол *быти* сочетается с глаголами, выражающими однократное действие, чаще всего СВ, в результате чего рассматриваемая конструкция обозначает действие, близкое по характеру действиям, обозначенным аористой формой. Если

изъ грєкъ — последние два контекста аналогичны друг другу. В них сообщается дата, когда произошло событие. В обоих случаях действие выражается страдательным причастием прошедшего времени. Разница заключается в том, что в первом примере причастие употреблено с глаголом-связкой, а во втором — без него.

Вопрос, почему один тип причастий употреблялся с глаголом *быти* регулярно, а другой — крайне редко, остается открытым и требует отдельного изучения. Однако для нас важна сама возможность употребления причастия в аналогичных контекстах как со связкой, так и без нее. Именно потому, что каждое причастное образование потенциально могло использоваться в одних и тех же случаях и с бытийным глаголом, и без него, кажется логичным утверждать, что такая же способность была и у *-л-*формы. Если *-л-*форма могла употребляться самостоятельно как «обычное» причастие прошедшего времени (т. е. не в составе перфекта), логично сделать вывод о том, что такое же употребление было возможно и с бытийным глаголом в прошедшем времени. Таким образом, мы должны допустить, что наряду с формами плюсквамперфекта существовали свободные синтаксические сочетания, состоящие из глагола *быти* в прошедшем времени и *-л-*формы.

4. Выводы

Проанализировав рассмотренные выше примеры, можно сделать следующие выводы.

В ряде контекстов сочетание «*быти* в пр. вр. + *-л-*форма» не является грамматической формой плюсквамперфекта, т. к. его появление не может объясняться ни одним из приписываемых плюсквамперфекту значений. В приведенных примерах отсутствует обязательный семантический компонент «предшествование в прошедшем», а рассматриваемая конструкция обозначает либо 1) фоновое действие, либо 2) продолжительное действие, либо 3) действие, синонимичное по характеру соседним действиям, выраженным формами аориста.

Все эти значения могут объясняться тем, что мы имеем дело со свободным синтаксическим сочетанием глагола *быти* и *-л-*формы, функционирующей в качестве причастия. Таким образом, семантика анализируемой конструкции в рассмотренных контекстах складывается из ее составляющих.

Список сокращений

- ВЛ — Волынская летопись
ИЛ — Ипатьевская летопись
КЛ — Киевская летопись
ЛЛ — Лаврентьевская летопись
НПЛ ст. — Новгородская первая летопись старшего извода
НПЛ мл. — Новгородская первая летопись младшего извода
ПВЛ — Повесть временных лет
СЛ — Суздальская летопись

Литература

- Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.
- Жукова, Шевелева 2009 — Т. С. Жукова, М. Н. Шевелева. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // М. Л. Ремнева, С. П. Князев (отв. ред.). Вопросы русского языкознания. Вып. 13. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: к 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 171–191.
- Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Истрина 1923 — Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи // С. Ольденбург (секр.). Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук 1919 г. Т. 24. Кн. 2. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1923. С. 1–172.
- Колесов 1976 — В. В. Колесов. Динамика форм прошедшего времени в древнерусских памятниках // В. В. Колесов (отв. ред.). История русского языка: Древнерусский период. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976. С. 74–93.
- Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Петрухин 2004 — П. В. Петрухин. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // *Russian Linguistics*. 2004. Vol. 28. Iss. 1. P. 73–107.
- Петрухин 2008 — П. В. Петрухин. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 213–240.

- Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // А. М. Молдован (отв. ред.). Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 193–214.
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Грамматические категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
- Попова 1999 — Т. Н. Попова. Формы прошедшего времени глагола в летописных текстах (на материале Новгородской I летописи младшего извода и Московского летописного свода конца XV века). Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999.
- Потебня 1888/1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958.
- Скачедубова 2017 — М. В. Скачедубова. К интерпретации случаев употребления *-л-* форм без связки (на материале Ипатьевской летописи) // *Slavistična revija*. 2017. Letn. 65. Št. 1. S. 115–125.
- Словарь книжников 1987 — Д. С. Лихачев (отв. ред.). Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987.
- Трубинский 1984 — В. И. Трубинский. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
- Фроянова 1970 — Т. И. Фроянова. Формы перфектной группы в памятниках новгородской письменности XII–XV веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970.
- Чернов 1961 — В. И. Чернов. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянскими языками. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1961.
- Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2 (14). С. 214–252.
- Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке). *Русский язык в научном освещении*. 2009. № 2 (18). С. 144–174.
- Seržant 2016 — I. A. Seržant. Periphrastic perfect / resultative in Tocharian. // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. XII. Ч. 2. С. 237–288.

Источники

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

ПСРЛ, т. 1 — Полное собрание русских летописей. Т. I. Вып. 1–3. Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928.

ПСРЛ, т. 2 — Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Издательство восточной литературы, 1962.

References

- Chernov 1961 — V. I. Chernov. Plyuskvamperfekt v istorii russkogo yazyka sravnitelno s cheshskim i staroslavjanskimi yazykami. Avtoref. diss... kand. filol. nauk [Pluperfect in the history of Russian language in comparison with Czech and Old Church Slavonic. Author's abstract of a phil. cand. diss.]. Leningrad, 1961.
- Froyanova 1970 — T. I. Froyanova. Formy perfektnoy gruppy v pamyatnikakh novgorodskoy pismennosti XII–XV vekov. Avtoref. dis... kand. filol. nauk [Forms of the perfect group in Novgorod 12th–15th centuries manuscripts. Author's abstract of a phil. cand. diss.]. Leningrad, 1970.
- Gorshkova, Khaburgaev 1981 — K. V. Gorshkova, G. A. Khaburgaev. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of Russian]. Moscow: Vysshaya shkola, 1981.
- Istrina 1923 — Ye. S. Istrina. Sintaksicheskie yavleniya Sinodalnogo spiska I Novgorodskoy letopisi. [Syntactic phenomena of the synodal copy of The First Novgorodian Chronicle]. S. Oldenburg (secr.). *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossiyskoy Akademii Nauk 1919 g.* T. 24. Kn. 2 [Proceedings of the Department of Russian language and literature of Russian Academy of Sciences for 1919. Vol. 24. Book 2]. Petrograd: Russian State Academic Publishing, 1923. P. 1–172.
- Kolesov 1976 — V. V. Kolesov. Dinamika form proshedshego vremeni v drevnerusskikh pamyatnikakh [The evolution of past tense forms in Old Russian texts]. V. V. Kolesov (ed.). *Istoriya russkogo yazyka: Drevnerusskiy period* [Historical grammar of Russian: Old Russian period]. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1976. P. 74–93.
- Kuznetsov 1959 — P. S. Kuznetsov. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. [Essays of historical morphology of the Russian language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publishing House, 1959.
- Petrukhin 2004 — P. V. Petrukhin. Perfekt i plyuskvamperfekt v Novgorodskoy pervoy letopisi po Sinodalnomu spisku [Perfect and pluperfect in the Synodal copy of The First Novgorodian Chronicle]. *Russian Linguistics*. 2004. Vol. 28. Iss. 1. P. 73–107.
- Petrukhin 2008 — P. V. Petrukhin. Diskursivnye funktsii drevnerusskogo plyuskvamperfekta (na materiale Kievskoy i Galitsko-Volynskoy letopisey) [Discursive functions of the Old Russian pluperfect (a case study of the Kievan Chronicle and Galician-Volynian Chronicle)]. V. Yu. Gusev, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchieva (ed.). *Issledovaniya po teorii*

- grammatiki. Vyp. 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Grammar theory researches. Vol. 4: Grammatical categories in the discourse]. Moscow: Gnozis, 2008. P. 213–240.
- Petrukhin, Sichinava 2006 — P. V. Petrukhin, D. V. Sichinava. «Russkiy plyuskvamperfekt» v tipologicheskoy perspektive [«Russian pluperfect» in the typological perspective]. A. M. Moldovan (ed.). *Verenitsa liter: K 60-letiyu V. M. Zhivova* [A line of letters: On the 60th anniversary of V. M. Zhivov]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2006. P. 193–214.
- Plungian 2001 — V. A. Plungian. Antirezultativ: do i posle rezultata [Antire-sultative: before and after the result]. V. A. Plungian (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 1. Grammaticheskiye kategorii* [Grammar theory researches. Iss. 1. Grammatical categories]. Moscow: Russkie slovari, 2001. P. 50–88.
- Popova 1999 — T. N. Popova. Formy proshedshego vremeni glagola v letopisnykh tekstakh (na materiale Novgorodskoy I letopisi mladshogo izvoda i Moskovskogo letopisnogo svoda kontsa XV veka). Dis... kand. filol. nauk [Past tense verb forms in chronicles (a case study of the Novgorod First Chronicle of the younger recension and the Moscow Chronicle of the end of the 15th century). Phil. cand. diss.]. Kazan, 1999.
- Potebnya 1888/1958 — A. A. Potebnya. Iz zapisok po russkoy grammatike [From essays on Russian grammar]. Vol. I–II. Moscow: State Educational and Pedagogic Publishing of the Ministry of education of the RSFSR, 1958.
- Seržant 2016 — I. A. Seržant. Periphrastic perfect / resultative in Tocharian. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Vol. XII. Pt. 2. Iss. 7. P. 237–288.
- Sheveleva 2007 — M. N. Sheveleva. «Russkiy plyuskvamperfekt» v drevnerusskikh pamyatnikakh i sovremennykh govorakh [«Russian pluperfect» in the Old Russian texts and modern dialects]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. No. 2 (14). P. 214–252.
- Sheveleva 2009 — M. N. Sheveleva. «Soglasovanie vremen» v yazyke drevnerusskikh letopisey (k voprosu o formirovanii otnositelnogo upotrebleniya vremen i kosvennoy rechi v russkom yazyke) [«Sequence of tenses» in the language of Old Russian chronicles (on formation of relative use of tenses and indirect speech in Russian)]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2009. No. 2 (18). P. 144–174.
- Skachedubova 2017 — M. V. Skachedubova. K interpretatsii sluchaev upotrebleniya -l- form bez svyazki (na materiale Ipatevskoy letopisi) [Towards interpretation of the use of -l-forms without auxiliary (based on the material of Hypatian Chronicle)]. *Slavistična revija*. 2017. Vol. 65. No. 1. P. 115–125.
- Slovar knizhnikov 1987 — D. S. Likhachev (ed.). Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. I (XI — pervaya polovina XIV v.) [A dictionary of scribes and booklore of the Ancient Rus. No. 1 (11th — first half of the 14th century)]. Leningrad: Nauka, 1987.

- Trubinskiy 1984 — V. I. Trubinskiy. Ocherki russkogo dialektного sintaksisa [An outline of the Russian dialectal syntax]. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1984.
- Zaliznyak 1995 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialect [Old Novgorod dialect]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kultury», 1995.
- Zhukova, Sheveleva 2010 — T. S. Zhukova, M. N. Sheveleva. «Novyy» plyuskvamperfekt v pamyatnikakh Yugo-Zapadnoy Rusi XV–XVI vv. i sovremennykh ukrainskikh govorakh v sravnenii s velikorusskimi [«New» pluperfect in the Southwestern Russian texts XV–XVI cc. and modern Ukrainian dialects in comparison with Russian]. M. L. Remneva, S. P. Knyazev (eds.). *Voprosy russkogo yazykoznaniiya. Vyp. 13. Fonetika i grammatika: nastoyashcheye, proshedsheye, budushcheye: k 50-letiyu nauchnoy deyatel'nosti S. K. Pozharitskoy*. [Questions of Russian linguistics. Iss. 13. Phonetics and grammar: present, past, future: on the 50th anniversary of S. K. Pozharitskaya's scientific work]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2009. P. 171–191.

Sources

- NPL — Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov [The First Novgorodian Chronicle. Older and Younger recensions]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House, 1950.
- PSRL, t. 1 — Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. I. Vyp. 1–3. Lavrentevskaya letopis [Complete collection of Russian chronicles. Vol. I. Iss. 1–3: Hypatian Chronicle]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House, 1926–1928.
- PSRL, t. 2 — Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. II: Ipatevskaya letopis [Complete collection of Russian chronicles. Vol. II: Hypatian Chronicle]. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1962.